

Всякий раз, проходя мимо цирка, равнодушно скользил взглядом по незатейливым афишам со слонами или тиграми. Нисколько не трогали такие безыскусные попытки заманить под блиставший на солнце металлический купол поверх приземистого каменного амфитеатра: «ТОЛЬКО У НАС!», «ЕДИНСТВЕННЫЕ В МИРЕ!», «СПЕШИТЕ УВИДЕТЬ!»... Подобное никогда не привлекало. Ни своих, ни чужих детей туда не водил, угостить мороженым или газировкой можно и в других местах.

Сегодня же на фоне недавно отреставрированного круглого здания неожиданно увидел девушку с ярко от руки разрисованным плакатом на длинной палке. На куске картона меж рельефно раздвинутых кумачовых кулис на жёлтом, как бы прожекторами подсвеченном фоне, надо думать, циркового манежа мрачно чернели буквы: НА АРЕНЕ ВЕСЕЛЬЕ И СМЕХ – ЗА КУЛИСАМИ ГОРЕ И СМЕРТЬ!

Бездумно прошёл мимо, но успел отметить серьёзное выражение юного довольно-таки симпатичного лица черноволосой девчушки в короткой юбке. Протестующая выглядела убеждённой в абсолютной правоте зловещего утверждения. В отдельности ни её сердитые угольные глаза, ни пугающая надпись на самодельной картинке не произвели бы на меня особого впечатления. Но всё вместе, все эти отдельные штрихи и мелкие детали, слившиеся в единый цельный образ пикетчицы, сумели что-то зацепить в душе, будто виртуальная рыбина в самой глубине сознания заглотала вброшенную извне наживку. Уже оказавшись на значительном расстоянии, я ощутил, как на меня внезапно снизошло озарение. Только что мимолётно виденное юное создание странным образом сумело вытянуть из памяти то, что давным-давно позабылось, но не стёрлось, а поджидало именно этого момента.

Сразу выплыло всё из моей прошлой и нынешней жизни, хоть мало-мальски касавшееся цирка, впрочем, из нынешней к нему с моей стороны уже ничто вообще не могло относиться. Да не люблю я цирк вовсе, единственное исключение - канадский «Дю Солей», пару раз виденный по телеку, нечто совершенно иное, без мучений и принуждения несчастных зверушек на потребу зрителю. Действительно, после него осталось яркое солнечное воспоминание. Но зато сейчас

очень чётко ожили собственные впечатления из детства. Сначала возникли какие-то образы, мгновенно узнаваемые видения, мелькнули виденные когда-то зарешёченные закутки с четвероногими обитателями, может, зверинец? Но потом дошло, будто резкость кто-то навёл – это же запертое в своих тесных клетушках бедное цирковое зверьё!

Ну, видел то когда-то, ну, и что? Мне-то что сейчас с того? Но настойчивые мысли невольно вертелись уже только вокруг цирка.

Всегда считал самыми зловредными его представителями даже не дрессировщиков, терзающих подневольных животных, но, безусловно, клоунов, обычно с накладными красными носами на густо набеленных физиономиях, как безусловный признак цеховой принадлежности. Тупо прикидываются дурачками, чтобы прочие люди верили, будто они намного глупее и неудачливее их, чтоб пришлой публике смешно стало от бьющего в глаза и уши постановочного недотёпства, а на самом деле заранее хитро задуманной показухи, заманухи, лажи одним словом. Хотят умело усыпить бдительность любопытных, да и всех вокруг. А на самом деле, может, даже ставят целью таким путём не просто бабла срубить, а захватить власть над остальным миром? Кто поручится, что у них нет своей тайной партии? Нисколько не преувеличиваю, только оглянитесь – с каждым годом новые примеры, как артисты-лицедеи всё чаще пробираются в политику, парламенты и правительства разных стран, а то и становятся президентами и премьерами. Не может такое быть чистой случайностью, никак не может! В любом случае, им всегда удаётся первым делом оставить в дураках смеющихся над ними тех, кто считает себя намного выше и умнее этого балагана. Идущие в цирк и так уже заранее отдали им свои денежки за входные билеты, а там, глядишь, отдадут гораздо больше, когда им полностью заморочат головы. Не у цыганок ли таким трюкам научились? Но, если даже и так, то своих наставниц или наставников многократно превзошли.

Впрочем, я в цирк давно не хожу. Сначала меня туда не водили, потом не пускали одного, а затем я и сам уже не хотел. Ну, и к лучшему, как говорится, ведь в эти зрелища можно втянуться, «подсесть на них», и тогда уже от цирка просто так не оторвёшься, как от любой вредной привычки.

А не водили меня туда вот почему.

В детстве округлое сооружение из брезентового купола над выкрашенными синей краской деревянными стенками располагалось недалеко от нашего дома. Однако, уже три-четыре годика мне исполнилось, когда впервые сводили туда на представление, а если и довелось побывать прежде – то в памяти не удержалось. Всё равно звери с дрессировщиками почти не запомнились, только резкие хлопки бича укротителя перед почему-то непослушными его командам четвероногими циркачами.

Зато внешне ничем не отличимый от прочих своих собратьев клоун дикими криками и странными выходками произвёл неизгладимое для неокрепшего детского ума впечатление и на всю жизнь намертво запечатлелся в файлах сознания. Настолько, что едва оказавшись дома после цирка, я тут же настоял, чтобы все собрались в самой большой комнате для немедленного представления, которое им сейчас покажу. Второй раз домашних уговаривать не пришлось, видимо, любопытство в них сильно разыграло. И когда все уселись в кружок так, что единственный артист как бы оказался в центре подобия маленькой арены – я незамедлительно начал подражать или изображать, то есть воспроизводить то, что увидел совсем недавно. Понятное дело, вообразивший невесть что мальчишка,

словно какой-то зомби, попытался повторить идиотские трюки ковёрного кривляки. Вот уж не знаю, как ему удалось так на меня воздействовать... Объяснять теперь это «силой искусства» просто смешно, какое там искусство! Да ещё в холодном цирке под брезентовой крышей, когда артистам наверняка мечталось поскорее отыграть номера, да принять внутрь соточку-другую для согрева, а некоторые наверняка уже прибегли к такому по ходу дела. Может, именно употреблённый мёрзнувшим клоуном алкоголь и усилил его внушение на тогда совсем ещё малого, не видевшего ничего подобного мальчонку, хотя пил вовсе не я, а сам распроклятый нелепый гаер. В общем, малолетний недавний зритель попытался повторить на глазах домашних странные, необъяснимые, скорее всего пьяные выходки циркача, будто продолжал находиться под гипнотическим воздействием этого хитрого недоумка.

А сделал я вот что: безо всяких прелюдий с тонким пронзительным криком внезапно разорвал руками на груди новёхонькую парадную рубашку, которую не успел снять после возвращения. Непонятно, откуда только силы взялись у мальчика, но я не только разодрал материю на две части, но и надёргал из неё лоскутов. Домашние оказались потрясены. Смутно помню, что фигляр на арене показывал такой фокус – рвал на себе блузу, а затем чудесным образом разворачивал её из обрывков абсолютно неповреждённой и торжественно облачался в неё, как ни в чём не бывало, под бравурную цирковую музыку и шквал аплодисментов тупой публики, среди которой находился и я. Поскольку вторая часть трюка с возвращением целёхонькой рубахи, как я ни старался, у меня так и не получилась, хотя разодрать удалось с первого подхода, я понял, что хитрый ловчила всех и особенно меня подло надул. Было очень жалко красивую в первый и последний раз одетую белую в тонкую синюю полоску рубашонку, но гораздо сильнее обуревали обида и негодование от столь подлого обмана. Я разревелся до истерики, меня долго не могли ни успокоить, ни отвлечь. Именно после такого представления, посоветовавшись всей семьёй, меня больше не водили в цирк.

Дело не в том, что мне запретили посещать столь вредно на меня воздействовавшее заведение, конечно, всё заключалось в зловредном персонаже арены и ни в чём ином. Но, я и сам потом не хотел туда ходить, не испытывал ни любопытства, ни желания повтора, а резкое щёлканье бича перед мордами несчастных животных уже никогда не исчезало из памяти.

Однако, несмотря на такую предысторию, где-то в классе четвёртом я всё же опять попал в цирк. Правда, теперь это было новое каменное здание в другом районе под высоким жёстким куполом, равномерно покрытым отсвечивающими в ясную погоду жестяными листами. На дневное воскресное представление меня отпустили вдвоём с одноклассником, приехавший коллектив хвастливо именовал себя «цирком будущего». Не помню в деталях своеобразных афиш этой технической, спекулирующей на тяге публики к плодам научно-технической революции труппы, но они точно пестрели изображениями роботов с квадратными головами и лампочками вместо глаз в стиле технокубизма, чего-то непонятного и механистичного. Никаких несчастных зверей, никаких акробатов, про традиционных неуместных клоунов там и вовсе ни малейшего намёка, что, впрочем, не исключало появления парочки придурочных человекоподобных псевдороботов, да мне на них давно было совершенно наплевать. Только что в космосе побывал Юрий Гагарин, по радио и в нескольких часах телевидения (время полного торжества телевидения ещё не настало) почти каждый день передавали научно-фантастические постановки, читали произведения фантастов,

я сам брал из детской библиотеки тонкие книги только такой тематики, которых выпускали пруд пруди. Каждый день творилось нечто, заставлявшее верить в скорое пришествие полного технического рая на благо всех людей, начиная от доступных всем стиральных машин, холодильников и чёрно-белых телевизоров. И всё же, хотелось новых и новых чудес науки, наглядно доказывавших, как человек всё больше побеждает враждебную природу. А тут такой «цирк» приехал! Ну, как на него не сходить?

Только вот смутные какие-то остались воспоминания, никаких ярких впечатлений, да и от чего? В планетарии, куда наш класс водили на экскурсию, смотреть на звездное небо представлялось намного интереснее. А тут... Фанерного вида с алюминиевой фольгой неуклюжие роботы еле двигались по манежу, как ни старался распорядитель садистски открывать им грудные клетки, чтобы показать публике отсутствие внутри каких-либо скрытых карликов, особого доверия эти якобы достижения современной науки, как и всё прочее, непривычное для традиционного цирка, вызвать не могло. Просто ещё одна разводка доверчивого зрителя. К тому же, время от времени техника на манеже сбоила, замирала, искрила, что-то должное зажечься не зажигалось, хотя неизвестно вообще, что именно нам собирались показать.

Сидящим внизу в передних рядах раздали длинные белые лампы дневного света без проводов, и когда послушно по команде все подняли их над головой выше определённого уровня, они замерцали, будто подключённые к скрытому источнику питания. Разве это фокус? Ясное дело – физика, какое-то электрическое поле и т.д., и т.п. Подумаешь! Подобное объяснялось уже в учебнике пятого класса! И вообще, представление походило на жульничество, организованное на скорую руку, пусть оригинальное и пока ещё не приевшееся. Всё отдавало дешёвой бутафорией, особенно те громоздкие, еле двигавшиеся, никого не пугавшие фанерно-жестяные уроды.

Со странным чувством мы с приятелем покидали здание цирка, даже не запомнив, что там ещё было в финале. Повтора не хотелось, одного просмотра вполне хватило. Нет, в благе научно-технического прогресса мы сомневаться не перестали, но организаторы действия нисколько не убедили нас в его скорой окончательной победе. Одно хорошо – зверей тут не мучили, и даже не запомнившиеся убогие клоуны, ряженые в механиков, глупо изображавшие из себя невсамделишных роботов, не делали ничего опасного и заразительного, что захотелось бы потом повторить. Впрочем, по сравнению с моим давнишним первым знакомством с цирком я подросток больше, чем вдвое, и, конечно, не мог уже смотреть на всё, что подсовывали на арене, с открытым ртом. Предприимчивых жуликов и в советские времена хватало, но эти, по крайней мере, никому, вроде бы, вреда не приносили.

В третий раз я попал в цирк, будучи учеником девятого класса, вовсе не по своему желанию. Гостивший у нас двоюродный дядя, точнее муж маминной кухни очень хотел, как он искренно полагал, доставить мне таким походом удовольствие. Отказаться выглядело невежливым, он бы очень расстроился. Не помню, откуда и что это был за коллектив, но в первом отделении ничего особенного не показали, тот же обычный набор – гимнасты, клоуны, жонглёры на лошадях, какие-то дрессированные собачки в юбочках. Вся соль и приманка заключались во второй половине в целой стае настоящих дрессированных тигров. Собравшиеся зеваки только того и ждали.

Публика заполняла цирк всего лишь наполовину, поэтому я уговорил

пересечь повыше со своих мест внизу, которые выбрал дядюшка. Мне пришлось проявить непреклонность и убеждать его, что оттуда гораздо лучше видно, да и безопаснее. И оказалось не зря. Как только мы поднялись наверх, придурковатые клоуны с нацепленными красными носами, как и прежде, отличавшими их банду, начали кидаться пыльными подушками и мячами в зрителей первых рядов, всячески приставать к ним, вовлекать в дурацкие сценки и насильно вытаскивать на арену для всеобщего обозрения и посмешища. Вовсе не факт, что выбранные жертвы все сплошь оказывались заранее подставленными.

Зато во время третьего или четвертого номера в соседнем секторе мы увидели известного киноартиста Сергея Филиппова. Не узнать его казалось невозможно. Высокий и нескладный он пришёл через боковой ход, но, как ни пригибался на ходу, пытаясь сделаться незаметнее, это у него не получилось. Со стороны выглядело смешно, будто он нарочно так делает, чтобы отвлечь публику от выступавших внизу. Головы зрителей дружно повернулись в его сторону, и никто уже не следил за ареной.

Филлиппов выбрал свободное кресло наверху среди пустовавших, укрыться там от пристального внимания у него не имелось ни малейшей возможности. Все ждали от артиста чего-то комичного, хотя, понятно, никакого сговора с организаторами представления у него быть не могло, и он просто пришёл отдохнуть в качестве простого зрителя с надеждой спокойно посмотреть программу. Наверное, он один во всём цирке сосредоточенно хмурился, тщетно пытаясь внимать происходящему на арене, все же прочие бесцеремонно пялились только на него.

Как он ни пытался показать, что ничего особенного не происходит, и такое внимание ему по барабану, видно было, ему не по себе вот так неожиданно оказаться в центре внимания всего цирка. Он нервно шевелил длинным носом, хорошо знакомым всем по кинокомедиям с его участием, начал покашливать в кулак, пытался менять позу, покачивал ногой, заброшенной на другую, деланно придавал лицу заинтересованное выражение, всматриваясь в творившееся на манеже. Но со стороны такие ужимки выглядели очень комично, публика посчитала, что он нарочно так себя ведёт. Стали раздаваться смешки, затем редкие хлопки. Очередные жонглёры окончили номер, но так и не дождались аплодисментов.

Всё больше раздражаясь, Филиппов терпел ещё минут пятнадцать. Затем с досадой демонстративно плюнул себе под ноги, резко встал и торопливо, почти бегом, уже нисколько не пригибаясь, поспешил скрыться тем же путём, что и появился. Напоследок его удостоили многочисленных, пусть и нестройных хлопков в ладоши. Ещё одна жертва то ли цирка, то ли своей комедийной славы.

Наблюдать за ним было смешно, в то же время по-человечески жаль известного артиста, лишённого возможности отдохнуть и спокойно посмотреть на циркачей. Видимо, такая вот судьба знаменитостей, и как это ещё никто не полез к нему за автографом? В те годы пик его кинокарьеры прошёл, оттеснив вместе с ним прежних «могикан» экрана, на первые места вышло новое не менее, если не более, талантливое поколение не успевших примелькаться комедийных артистов – триоца Визин-Моргунов-Никулин с Шуриком – Александром Демьяненко, Леонов, Крамаров, Миронов и прочие энергичные, современные и гораздо чаще снимаемые...

До перерыва более ничего замечательного ни на арене, ни среди публики не происходило, конферансье попросил всех выйти и не торопиться назад, поскольку будут монтировать ограждение для хищников. Когда мы с дядюшкой отправились

попить – ему пива, мне газировки, я уже подозревал, что ничего особо интересного впереди нас не ждёт, только хотелось немного поглазеть на несчастных тигров. Но я ошибался.

Второе отделение началось с опозданием. По периметру манежа смонтировали высоченную решётку, этажа в два, не меньше, которая ещё больше подогрела любопытство и нетерпение публики. На арене уже возвышались тумбы и большие обручи для четвероногих артистов.

Не успели выпустить зверьё и укротителя, как из ближнего бокового входа, разматывая пожарный рукав, нетвёрдой походкой вышел кряжистый пожарник в брезентовой робе, висевшей на нём мешком. На голове у него красовалась надвинутая на глаза пожарная каска с кокардой и шипом на макушке, в стиле немецкого кайзера Вильгельма на старинных фотографиях, а из-под неё в разные стороны торчали похожие на пучки мочалки усы. Мы с дядей сразу заподозрили, что это клоун, но он неожиданно скромно примостился в проходе с брандспойтом наизготовку неподалёку от бортика арены и больше никак себя пока не проявлял к нашему разочарованию.

А тут уже заиграла бодренькая музыка, вышел нарядный кланяющийся на все стороны дрессировщик в костюме с позолоченными позументами, затем к нему один за другим выскочили несколько тигров с единственным заторможенным львом. Тот, кто не сразу запрыгнул на предназначенную подставку удостоился щёлканья бича и сердитого окрика двуногого надзирателя. Чем тут было восхищаться? Тем, что сильных животных, запертых в клетке, слабенький человечек принуждал делать нечто для них несвойственное и нехарактерное, утверждая этим своё мнимое превосходство? Попробовал бы он так вести себя в естественной для них среде обитания!

Время от времени мы краем глаза нет-нет, да поглядывали на, казалось, заснувшего стоя картинного пожарника неподалёку. И впрямь, я заметил, что он застыл уже с закрытыми глазами и едва не роняет конец брандспойта из рук. К тому же, начинал странно и монотонно покачиваться, а по временам даже очень шатался. Выглядело, будто он изрядно пьян. Слишком убедительно и правдоподобно выходил у него этот сомнамбулизм. Стало ясно, что этот заметный персонаж выкинет ещё нечто гораздо интереснее происходившего на манеже. Не отпускало подозрение, что это на самом деле подставной клоун, слишком колоритно-декоративным выглядел ряженный усач.

Раньше в детстве я часто видел настоящих пожарников. Недалеко от нашего дома располагалось общежитие пожарной части, и по вечерам ребятня со всей округи бегала смотреть на их игру в городки. Без формы то были обычные парни, ничем не отличавшиеся от сверстников. А этот тип не только не имел с теми ребятами ничего общего, но и по сравнению с ними походил на какой-то замшелый пень с бутафорскими усами, с не по размеру великой робой с немецким шлемом времён первой мировой.

Звери принялись исполнять положенную программу, прыгали через обруч, менялись тумбами. Но, по тому, как огрызались некоторые, становилось ясно, что делают они это безо всякой радости, чисто по принуждению, и даже призовые куски сахара им по барабану.

Станный пожарный вызывал гораздо больший интерес. Наконец, на высоте амплитуды своих покачиваний, будто на палубе корабля в штормовом море, он всё-таки выронил брандспойт, наклонился, чтобы поднять, и как бы нечаянно, а скорее нарочно, включил полный напор.

Сначала тугая струя ударила сквозь железные прутья в недовольно заворчавшего тигра, затем кишка в руках колоритного недотёпы самостоятельно принялась извиваться, как живая змея. В попытке удержать шланг он направил его прямо на зрительские трибуны. Внезапно накрытые бодрящим душем люди вскакивали, не сразу понимая, что и откуда на них свалилось, к счастью, до нашей стороны живительная влага не достала, поэтому нам было довольно весело при виде такого необычного зрелища. Сильно пьяный или притворявшийся таковым пожарник (да и пожарник ли?) продолжал бороться с бившимся в конвульсиях шлангом, видимо, не в силах овладеть им и отключить фонтан, который продолжал окатывать публику с большим сектором поражения.

Из ближнего входа прибежали два служителя арены в малиновых ливреях, быстро справились с брандспойтом и перекрыли воду. Затем уже совершенно не стоявшего на ногах виновника переполоха, самого промокшего до нитки, хоть выжимай, подхватили под мышки и, как он ни упирался, уволокли с глаз долой. Часть пострадавшей публики громко возмущалась, вышедшие из переделки сухими откровенно веселились, равнодушных не осталось. Впечатляюще это вышло. Хотя за стенами цирка стояло лето, но под холодную струю попали и маленькие дети, родители которых наверняка не собирались забыть такое происшествие.

Мы с дядей даже сильно поспорили: притворявшийся пьяным клоун то был, или на самом деле мертвецки пьяный штатный пожарник? Причём, дядя стоял за второе, а я за первое объяснение. Правды мы так никогда и не узнали, потому спор никто не выиграл. Факт лишь в том, что выступавшие звери и дрессировщик до конца представления отошли в глазах публики далеко на задний план и уже не имели даже малой толики успеха самоотверженного борца со шлангом.

С тех пор я в цирк никогда не ходил и никаких дел с ним не имел.

На обратном пути юная протестующая со своей наглядной агитацией всё ещё одиноко прохаживалась на прежнем посту, неподалёку от кассы цирка, как часовой, про которого при отступлении забыло командование. Захотелось задать ей несколько вопросов, хотя бы из-за того, что ей чудесным образом удалось одним только своим видом встряхнуть мою память.

Но тут из административного пристроя на фоне цветных афиш и вывесок внезапно появился и направился в сторону нарушительницы порядка мужчина средних лет, небольшого росточка, в меру упитанный, в строгом чёрном костюме с белой рубашкой. Его овальная усатая физиономия с маленькими внимательными глазами за стёклами тонированных очков с диоптриями оказалась моментально узнаваемой. Да, я знал его, хотя мы давно не пересекались. Когда-то он занимал должность завхоза банковской школы по соседству, после закрытия которой, исчез из моего вида.

Девушка не сразу заметила появление чиновника, устремлённого к ней явно не с дружескими намерениями. Но, как только увидела приближение угрозы, сжала обеими руками свой яркий плакат и как бы символически укрепилась на своём посту и в убеждениях, готовая выдержать до победного конца любой внезапный натиск.

Неожиданно для самого себя я ускорился и отсёк его от намеченной им жертвы.

– Привет, Александр Степаныч! – имя-отчество знакомого помнилось отчётливо. – Давненько не виделись!

Особой радости он не выказал, хотя тут же признал меня, обниматься мы точно не собирались.

– Чем же ты тут занимаешься?

– Да вот, приходится наводить порядок, – удручённо пожаловался он.

– Сам в цирке работаешь, что ли?

Он угрюмо кивнул, никакой гордости за свою теперешнюю должность я в нём не обнаружил.

– И что за дела?

Он устало вздохнул, тяжёлая, видать, у него работёнка:

– Несанкционированный пикет, понимаешь, мешают продаже билетов...

– А, ты здесь, что же... в охране, что ли?

Мойдавний знакомый, когда-то бывший выпускником культпросветучилища с последующим непродолжительным заведованием сельским клубом, посмотрел на меня с нескрываемой обидой:

– Да нет, конечно, бери выше!

– Неужто, и тут завхоз, пардон, зам по хозяйству? – догадался я, впрочем, какие ещё могли быть варианты?

Он заметно расслабился, моя проницательность его умиротворила.

– Но, это же не твои обязанности, – кивнул я в сторону юной пикетчицы.

– Какая разница? Увы, видно, придётся вызывать полицию, протокол и прочее, как всегда всё на мне!

Сочувствовать ему я не стал.

– Слушай, Степаныч, а давай я её уведу отсюда – и никаких тебе проблем?!

Он подозрительно посмотрел на меня, не разыгрываю ли его по старой привычке? Интересно, что он решил насчёт меня и этой барышни? Посчитал нас знакомыми? Тогда наверняка предположил одно из двух: либо принял её за мою дочку, либо возлюбленную, хотя видно было, что никакой уверенности у него нет, особенно во втором варианте, уж слишком она походила на школьницу.

– Правда, что ли уведёшь?! Ты это серьёзно? – всегда он был недоверчив.

– Без шуток! Свободы мне вовек не кнокать! Зуб даю!

Только такое его успокоило.

– Тогда ладно, – согласился он с облегчением. – У меня и без того дел по горло...

Не один раз попивали мы с ним когда-то в старые года пиво и нечто более крепкое, но повторять из того теперь с ним ничего точно не хотелось. Для вежливости обменялись номерами мобильных, попрощались, и он, тут же развернувшись, в обратном порядке исчез в дверях административного пристроя.

Теперь я точно должен был подойти к малолетке. К тому же интересно, сама она и по своему ли собственному почину сделала этот нехитрый, но, возможно, для кого-то убедительный плакатик и оказалась с ним тут? Или направлялась некоей некоммерческой организацией защитников животных? Может, кто-то неведомый, даже заплаченный из-за рубежа в самом деле пытается через вот таких вот неискушённых зелёных активисток опорочить славные традиции советского цирка, как иногда пытаются убедить штатные шаманы в зомбоящике? Словом, любопытно мне стало. Да и ни на минуту я уже не забывал, как девчужке случайно попавшейся мне на пути одним только своим внешним видом удалось чудесно оживить в моей памяти всё, связанное прежде с цирком. Причём, то всплыло в моей памяти сразу, спрессованным в минуту-другую реального времени. Только, подозреваю, её безгласный посыл именно ко мне оказался не по адресу. Вот любители цирка, не пропускающие ни одной новой программы вместе со своими

детьми, которых они ритуально пичкают в перерывах мороженым, фантой и колой – совсем другое дело.

То, что лежало на поверхности, я давно знал и прежде. Например, что человечность определяется не поведением людей среди себе подобных, а их отношением к другим живым существам, населяющим вместе с нами этот мир.

Разумеется, поначалу она отнеслась ко мне с недоверием, да и что могло прийти ей на ум? Одно из двух – либо дяденька «подкальвается», «клинья подбивает», либо оказался сотрудником службы безопасности, почему-то сразу не представившимся. Но ей самой, видимо, хотелось скандалчик «за идею».

Не сразу удалось разубедить девчонку в таких заблуждениях. Она выглядела даже младше моих дочек. Возможно, её начальная сдержанность и уклончивость от ответов на мои вопросы о цирке, о её отношении к нему объяснялись именно тем. Но как-то незаметно я её разговорил, видно, надоело ей молча стоять тут одной столько времени. Сразу выяснилось, нам обоим нравился канадский «Дю Солей», выступления которого она, как и я, видела только по телевизору. Никакого принуждения несчастных животных, которых в этом цирке вовсе не было.

Конечно, в голове у неё творилась полная каша. Жалела бродячих собак. Тогда я рассказал, как на моих глазах несколько таких одичалых псов разорвали несчастную кошку, пока я подбежал, с муркой покончили. Четвероногие убийцы, вяло огрызаясь, отбежали неподалёку в ожидании моего ухода, чтобы продолжить терзать недвижимую тушку. Она понятия не имела о Всемирной декларации прав животных, но мы сошлись на том, что даже «ласковая» дрессировка и принудительные выступления четвероногих всегда аморальны, несправедливы. Ведь никто не поручится, что обучение не сопровождается побоями, метод «кнута и пряника» постоянно используется, поскольку действует только при их попеременном использовании. К тому же, ей прекрасно помнилась статистика: животные в цирке редко доживают даже треть положенного им срока...

Всё же мне удалось убедить её закончить на сегодня свою вахту, пока мой знакомый завхоз не передумал и не вернулся для наведения известного лишь ему порядка. Да и время обеда давно прошло, если молодая пикетчица не будет заботиться о своём здоровье сейчас, потом всё обязательно скажется. Но приглашать её пообедать в ближайшую кафешку с моей стороны выглядело бы как-то неправильно, другие это поняли бы превратно, даже она сама в первую очередь. Да и не бездомная она была, в конце концов, жила неподалёку вместе с родителями. Впрочем, она меня послушалась и с плакатом под мышкой гордо покинула сегодняшнюю точку выражения протеста. Я же спокойно пошёл своей дорогой с чувством исполненной миротворческой миссии.

Спустя несколько дней я увидел её с тем же ярким плакатиком в руках у здания городской администрации. Её и ещё несколько человек, среди которых нашлись и женщины старших лет. Не факт, что среди них не присутствовала её мамаша. Помахал издали рукой, она узнала, ответила тем же, и даже улыбнулась. Надеюсь, моя новая знакомая знает, чего добивается, и никто не использует бьющий через край энтузиазм девушки в своих скрытых целях.

Я не стал подходить ближе, продолжать наш прежний разговор, тем более, при посторонних не хотелось. Зачем? Я ведь и так не хожу в цирк, вы же знаете!